

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Розенберговский сборник
Востоковедные исследования и материалы

Санкт-Петербург
2014

Печатается по решению Учёного совета ИВР РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук И.В. Кульганек
доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

ББК 86.39
Р64

Р64 Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: Издательство А. Голода, 2014. — 524 с. ISBN 978-5-94974-066-8

Сборник состоит из четырёх разделов: «Буддологические исследования», «Традиционные идеологии Востока», «Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика», «История востоковедения». Статьи, размещённые в первых трёх разделах, отражают промежуточные итоги и результаты исследований письменных памятников. В последнем разделе представлены комментированные публикации материалов из Архива востоковедов ИВР РАН и статьи об истории коллекций Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН.

ISBN 978-5-94974-066-8

© Институт восточных рукописей РАН, 2014
© Авторы публикаций, 2014

Содержание

Введение. Письменные памятники и дискурс о Востоке в зеркале современных российских исследований	10

Буддологические исследования

Е.П.Островская. С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы	22
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма первое — седьмое). Перевод с японского языка, комментарий, предисловие В. Ю. Климова	39
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма восьмое— пятнадцатое). Перевод с японского языка, комментарий В.Ю. Климова	76
А. В. Зорин. Антишиваитские мотивы в апологетических буддийских гимнах	104
П.Д. Ленков. О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае: концепция «двух видов препятствий» в тексте «Лун мэнь синь фа»	118
П. Д. Ленков. Традиционные буддийские и даосские психофизические практики в Китае: перспективы антропологического подхода	131
С. Ю. Рыженков. Письменные памятники из Дуньхуана: буддийский канон	138
Е.А. Кий. Основные источники для изучения редкой иконографической формы Манджушри	144
И.С. Гуревич. Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики	155
Е. Ю. Харькова. Монастыри как часть буддийского сакрального ландшафта	168
Е.Ю.Харькова. Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах»	174

Традиционные идеологии Востока

- С.Л.Бурмистров.** Структура аргументации в первой части
Upadeśa-sāhasrī Шанкары 182
- С.Л. Бурмистров.** Религиозное сознание и понятие границы
в философии Рамануджи и Мадхвы 194
- Е.В.Столярова.** Титулы эпического Вишну
(анализ имён и практики их рецитации) 211
- Трактат «Шаттримшаттаттва-сандоха» Амритананды
с «Вивараной» Раджанакананды. Перевод с санскрита,
исследование, комментарии **В.П. Иванова** 219
- С.Х. Шомахмадов.** Эпитет аджита («Непобедимый»)
в индийской религиозной традиции 240
- М.Ю. Ульянов.** Структура «комментирующего комплекса»
Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к Чуньцю»):
соотношение «исторического» и «каноноведческого» 248
- Г.С. Попова.** Шуцзин («Канон [исторических] документов»)
в I тыс. до н.э.: запись, передача и канонизации 271
- М.С. Целуйко.** «Пояснительные сочинения» как жанр памятников
общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.):
о сопоставлении формы текстов эпитафического
сочинения Хэ Лу и фрагмента традиционного памятника
антологического характера Го юй («Речи царств») 287
- А.С. Рысаков.** Ритуал совершеннолетия согласно
каноническому тексту И ли «Церемонии и ритуалы» 297
- Е.А. Островская, А.Ф. Горбачева.** Ислам как традиционная
религиозная идеология 313

Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика

- Д.В. Возчиков.** Религии Индии и Юго-Восточной Азии
в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти 336
- Д.В. Возчиков.** Философы или жрецы? Брахманы в описании
венецианского путешественника Никколо Конти 347

Л.Б. Четырова. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников)	353
С.Д. Серебряный. О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения	365
А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского	377
П.И. Рысакова. Глобальное и локальное в восточно-азиатской социологии образования	395
Е.А. Островская. Россия и Китай в Центральной Азии: в поисках консенсуса	410

История востоковедения

С.Л. Бурмистров. Востоковедное наследие Генри Томаса Колбрука ...	416
В.П. и А.П. Шнейдер. Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче. Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой	431
А.В. Зорин. М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР	450
Архивные материалы к биографии и деятельности М.И. Тубянского. Предисловие, примечания, подготовка к публикации М.Н. Кожевниковой	457
М.И. Воробьева-Десятовская. Языки и типы письма как аспект изучения буддийской коллекции индийского фонда ИВР РАН	491
Е.П. Островская. Буддийское рукописное историко-документальное наследие северной и северо-западной Индии в составе индийского фонда ИВР РАН	509
Об авторах	522

В.П. и А.П. Шнейдер Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче

Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой¹

Публикуемые воспоминания племянниц И.П. Минаева — Александры Петровны Шнейдер (1863—1942) и Варвары Петровны Шнейдер (1860—1941) проливают свет на факты биографии основоположника петербургской буддологии и, что немаловажно, позволяют объёмно представить превосходные качества личности учёного, круг его научного общения. Воспоминания открывают также малоизвестные страницы биографии И.П. Минаева, связанные с московскими литературно-общественными кругами второй половины XIX в.

Ключевые слова: А.П. Шнейдер, В.П. Шнейдер, И.П. Минаев, Архив востоковедов ИВР РАН.

Биография и научный вклад И.П. Минаева (1840—1890) анализировались его учеником С.Ф. Ольденбургом, в 1950-е гг. были опубликованы дневники путешествия учёного в Индию и Бирму с вводным очерком А.П. Баранникова и подробными примечаниями Г.Г. Котовского (См.: Минаев, 1955). Индолог и историк востоковедения А.А. Вигасин впервые рассмотрел деятельность И.П. Минаева как аналитика текущего положения дел в Индии в контексте российской внешней политики последней четверти XIX в. (См.: Вигасин, 2008, с. 161—191). Публикуемые воспоминания племянниц И.П. Минаева позволяют создать целостное впечатление о личности и ближайшем окружении учёного, понять логику его мировоззрения.

Воспоминания датируются не позднее 1940 г. За исключением некоторых неточностей, разъяснённых в примечаниях, повествование с фактической стороны не противоречит опубликованным сведениям о Минаеве, но добавляет новые краски в описание этой драматически короткой, но такой плодотворной жизни.

Публикация осуществлена по машинописному экземпляру воспоминаний, хранящемуся в личном фонде И.П. Минаева в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН. Ф. 39. Оп. 4, ед. хр. 24, л. 1—14).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Буддийское историко-документальное наследие Южной и Юго-Восточной Азии в индийском фонде Института восточных рукописей РАН: состав и история коллекционирования». Проект № 13-01-00167.

<л. 1>

В. и А. Шнейдер

Воспоминания

о МИНАЕВЕ Иване Павловиче (род. 9.X.1840 г. — 1.VI.1890 г.)
профессоре-санскритологе и путешественнике,
написанные его племянницами
сёстрами ШНЕЙДЕР В.П. и А.П. в 1940 году
по поводу исполнившегося в этом году столетия со дня рождения
и пятидесятилетия со дня кончины

За эти последние годы мы с сестрой написали несколько страниц воспоминаний, принятых Государственным Литературным Музеем в Москве, о тех выдающихся людях, которых нам посчастливилось встречать в жизни.

Сейчас, в виду наступающего столетия со дня рождения и пятидесятилетия со дня кончины, нам захотелось написать и о том выдающемся учёном, путешественнике и близком нам человеке ИВАНЕ ПАВЛОВИЧЕ МИНАЕВЕ, с которым нам пришлось прожить десять лет нашей молодости, не входя, конечно, в оценку его учёных трудов, а придерживаясь больше личных воспоминаний о нём и отношений с выдающимися людьми его окружения, событий и сторон исчезнувшего быта.

Это было на Рождество 1975 г., — мы только что осиротели и жили в Москве. Дядя наш Иван Павлович вернулся на родину после двухлетнего пребывания в Индии и Цейлоне и, как всегда, начал с того, что устремился в «Белокаменную», где на Поварской, в доме своего племянника по мужу — доктора и профессора Николая Петровича Николаева² безвыездно уже много лет жила в отдельном <л. 1об> флигеле его любимая старушка-мать, которую он очень высоко ставил и по уму и по другим душевным качествам.

«Дядю Ваню», как мы его тогда звали, мы видели в последний раз в 1868-м году, когда вся семья собралась для встречи молодого учёного после его шестилетнего пребывания в научных командировках за границей в таких центрах, как Париж, Берлин, Геттинген, Лондон и Кембридж³.

Но тогда мы были ещё детьми, а за это время из беспечных детей успели

² Николаев Н.П. (1818—1887) — доктор медицины, адъюнкт акушерского отделения факультетской клиники Московского университета. С 1849 г. — врач при канцелярии и доме Московского генерал-губернатора.

³ Свои впечатления об этих поездках и ход занятий И.П. Минаев осветил в письмах своему ученику С.Ф. Ольденбургу. См.: Ольденбург, 2012.

превратиться в подросток-гимназисток со всеми радостями и заботами учения. Мы были круглыми сиротами и очень бедствовали. Дядя нам объявил, что хочет быть нашим опекуном (мы были детьми его старшей на один год любимой сестры) и возьмёт нас к себе, но претворить это в жизнь, за неимением необходимых средств, ему удалось лишь через четыре года — за это время положение наше было очень печальное в материальном отношении приходилось недоедать и вести не буржуазное, а весьма нищенское существование.

На наше счастье наша мачеха, с которой мы эти годы жили, была большая фантазерка — хотела сделаться то телеграфисткой, то бухгалтершей, а тут придумала, что у неё драматическое призвание, она будет артисткой и хочет поступить на немецкую сцену в Михайловский театр, изучалась «Эмилия Галоти», «Леди Макбет» и другие роли — для чего и мы переехали в 1877-м году в Петербург, а с 1879-го года начали жить с Иваном Павловичем и прожили с ним десять лет до его кончины, а знакомство и дружеские связи с его товарищами и учениками сохранили на всю жизнь.

Хотя Иван Павлович постоянно жил в Петербурге, но в 1870-е годы и начало 1880-х годов, до кончины своей матери, он три <л. 2> раза в год — в каникулы рождественские, пасхальные и летние наезжал в Москву — там его знакомство и кружок объединялся вокруг вышеназванного двоюродного брата Николая Петровича НИКОЛАЕВА — профессора Московского университета, очень умного и талантливого доктора, по своей практике знавшего пол-Москвы. У них часто бывали — профессора Стороженко [Николай Ильич — Т.Е.] и Алексей Николаевич Веселовский⁴, ректор Тихомиров⁵, оба родные брата Николая Петровича, уже кончившие Московский университет — один доктор — Александр, а другой Сергей — юрист, учившийся с Иваном Павловичем в одном классе Тамбовской гимназии, но, в противоположность степенности Ивана Павловича, бывший очень резвым (рано умер от чахотки).

Очень дружил Иван Павлович с поэтом Мстиславом Праховым⁶ переводчиком Гейне, который часто бывал у них в семье; это был единственный товарищ,

⁴ Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918) — литературовед, профессор Московского университета, брат Александра Николаевича Веселовского (1838–1906), крупного филолога, литературоведа.

⁵ «Ректор Тихомиров» — неточность мемуаристок. В описываемый период ректором Московского университета был Николай Саввич Тихонравов (1832–1893), видный историк русской литературы. Александр Андреевич Тихомиров (1850–1931), зоолог, был ректором московского университета в 1899–1904 гг.

⁶ Мстислав Викторович Прахов (1840–1879) — лингвист, переводчик. Брат Адриана Викторовича Прахова (1846–1916), археолога, искусствоведа, личного друга И.Е. Репина. Мстислав Прахов во время учёбы на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета участвовал в студенческих волнениях (1861 г.) и был помещён в Петропавловскую крепость, но по высочайшему повелению прощён, продолжал далее академическую карьеру.

с которым Иван Павлович был на «ты». Прахов, не справившись с жизнью, безвременно погиб, покончив самоубийством.

Часто посещал Николаева и Александр Феофилактович Писемский, было даже время, что он проводил у него вечера ежедневно⁷.

Бывал Иван Павлович и у Аксаковых⁸ — так что интеллигентные круги обеих столиц были ему хорошо знакомы.

Минаева Д.Д.⁹ он не признавал за родственника и сердился, когда об этом подымался вопрос.

Когда в 1877-м г. мы переехали в Петербург, квартира Ивана Павловича была на Среднем пр. Васильевского Острова, около немецкой кирхи. Каким интересным казался нам это уголок, где так и чувствовалось, какой высокой культурной жизнью жил его хозяин: <л. 2 об> все стены уставлены книгами и предметами буддийского культа! Очаровательными казались нам, да и были по существу — кашмирские ткани, индийские кисеи, правда, очень скромных размеров, привезённые им из первого путешествия по Индии, а иногда и подаренные ему как знатоку.

Сам Иван Павлович, в то время уже приближавшийся к сорокалетнему возрасту, казался гораздо моложе своих лет — светлый блондин с окладистой бородой и строгими чертами лица, оживлённый, остроумный собеседник иногда даже зло остроумный, что создавало ему случайных врагов. На вид холодный или холодноватый, но по существу добрый человек, искренне любивший своих учеников и товарищей, честный, точный в исполнении своих обязанностей, дома большую часть времени проводивший в своих научных занятиях за письменным столом. Года два тому назад мною был сделан по заказу Зав. Индологическим Кабинетом Азиатского Музея портрет Ивана Павловича маслом приблизительно того времени для этого Отдела.

Эти первые два года в Петербурге мы часто проводили вечера у Ивана Павловича, рассматривая фотографии, издания и слушая его содержательные речи.

Одним из первых, с кем он нас познакомил, был его ближайший друг и

⁷ Аксаковы — семья, вокруг которой сформировался «московский кружок славянофилов». Так, Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) был одним из лидеров и идеологов славянофильского движения в литературе и общественной мысли.

⁸ *Маленькие дочки Николаева очень забавлялись, что Ал. Ф. боялся собак, у них был большой ньюфаундленд, и когда Писемский уходил домой, они должны были его сопровождать, провожая через свой двор — сад — до улицы [примеч. мемуаристок — Т.Е.].*

⁹ Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889), поэт, переводчик европейской поэзии, пародист, примыкавший к некрасовской школе, разделял радикально-демократические взгляды, высмеивал в пародиях поэтов-сторонников «чистого искусства», в частности, А.А. Фета, А.Н. Майкова. Сотрудничал с журналами демократического направления («Современник», «Русское слово», «Искра») как поэт-сатирик.

товарищ Александр Николаевич Веселовский, трогательно называвший его «Минаша» или «милый Будда». До сих пор врезалось в памяти то оживление, с каким они обсуждали развитие сказок и легенд, которые Ивану Павловичу удалось записать в Камаоне, во время своего трёхмесячного пребывания в Непале, сравнивая их с русским народным эпосом и фольклором и русскими сказителями.

Наука для нас оживала, Иван Павлович часто возвращался к вопросу, как и почему в глуши Тамбовской губернии у него зародилось это непреодолимое стремление изучать Восток, его народы, их язык, религию и философию — и не мог дать с точностью отве<л. 3>та на этот вопрос. Поступив на Восточный факультет Петербургского университета, он начал с изучения китайского языка, имея преподавателем В.П. Васильева. К изучению языков Иван Павлович был необыкновенно одарён. Так, запомнилось, что его товарищи рассказывали, что когда ему понадобилось прочесть какое-то сочинение по-японски в подлиннике язык, который он тогда не знал (но, правда, знал китайский), он, при усидчивости, овладел им в две недели и прочёл, что ему было нужно.

Первоначальное образование и воспитание Иван Павлович получил очень тщательное. Детей в семье было шесть человек, все погодки парочками — мальчик и девочка. Их отец Павел Глебович, умерший чрезвычайно рано во время свирепствовавшей в 1848 году в Тамбове холеры, был очень культурный человек, судя по тем книгам, которые от него сохранились, а также по выражению и чертам лица (совершенно типа Гоголя) на портрете масляными красками, сейчас переданным в Азиатский Музей Академии наук [Институт востоковедения АН СССР — Т.Е.] в архив Минаева. Он успел наметить вехи первоначального образования детей, большое значение придавал знанию языков — для этого в доме были образованный француз и немка. Английскому языку Иван Павлович обучился уже позднее, во время своего студенчества в Петербурге и требовал знания этого языка от сестёр, а позднее от нас. При этом говорил: «Возьми книгу и читай» и давал *Times of India*. Дети от отца все унаследовали тягу и любовь к книге, а также желание заниматься отвлечёнными вопросами. Младшая сестра Ивана Павловича, незамужняя, Софья Павловна собрала прекрасную библиотеку по русской литературе, которая после её кончины, по завещанию, была передана в Белев.

<л. 3 об> После окончания Тамбовской гимназии в 1858-м году, выбравший для своего дальнейшего образования восточный факультет, а таковой был только при Петербургском университете, отправился в столицу в сопровождении матери и своей старшей на один год любимой сестры Елизаветы Павловны, которая поехала познакомиться с семьёй своего жениха П.А-ча Шнейдер — коренного петербуржца.

Упоминаю об этом здесь потому, что это знакомство повлияло роковым образом на всю дальнейшую судьбу и жизнь Ивана Павловича.

Он влюбился и у него в этой семье возникла привязанность настолько глубокая, что он от неё никогда не мог освободиться. Молодая девушка вскорости

вышла замуж — о браке со студентом не могло быть и речи, но образ её преследовал его в течение всей его жизни — и когда молодым кандидатом наук отдыхал на летних каникулах у Рейнского водопада, сопровождал он его и на берега Ганга. Эта же особа была одна из последних, которая его навестила в Ал[ександровской] больнице на Васильевском Острове накануне его кончины.

Много поэтических записей оставил он по этому поводу в своих дневниках, которые имел привычку вести, хотя не ежедневно, но постоянно, начав записи в 1861-м году.

Те тетради, которые относятся к его путешествиям в Индию, Цейлон и Бирму, являются ценнейшим материалом и, вероятно, вскорости будут изданы. Вопрос об издании поднимался неоднократно и включался в план. Дневники хранятся в Аз. Музее, куда были переданы нами, его племянницами, после его кончины. (См.: Минаев, 1955).

Иван Павлович, будучи таким образом уверенным, что не решится иметь собственной семьи, попытался создать себе искусственную, взяв под своё покровительство нас, оставшихся круглыми сиротами, двух дочерей своей умершей любимой <л. 4> сестры, и в последние десять лет его жизни мы создали ему это окружение семейной обстановки.

Исполнение этого дела затянулось из-за приискания квартиры — всё было невероятно дорого, а жалованье Ивана Павловича, в то время экстраординарного профессора, было весьма скудным, так же и то, что мы в то время могли принести с собой, так как обе ещё тогда учились и не могли зарабатывать.

Наконец, желанная квартира была найдена в четвёртом этаже д. № 56 в конце Галерной, рядом с домом Бобринского, с открытым видом на их сад, Новое Адмиралтейство и на чудные закаты. Мы переехали в мае месяце. Иван Павлович был со своим любимым слугой «Мишей» Гаранкиным, вывезенным им из Тульской губ., и услуги которого его вполне удовлетворяли. Нас очень позабавило, что, желая научиться немецкому языку, Михайло сидел и смотрел в книгу и надеялся, что через две недели заговорит, а так как этого не случилось, то он недоумевал и обратился к Варваре Павловне за разъяснением. Ей пришлось затратить много энергии, чтобы сбить его с этой позиции.

Так началась наша общая жизнь, постепенно вкладываясь в определённые рамки.

Иван Павлович вел жизнь строго размеренную, но времени не хватало на всё, что приходилось проделывать, настолько он был перегружен занятиями. Дома он проводил большую часть времени в своём кабинете, работал над рукописями, читая корректуры, готовясь к лекциям и к очередным докладам в разных научных обществах — Географическом, Восточно-Археологическом [Восточный отдел Русского археологического общества — Т.Е.] и др. Иногда приходилось писать статьи в газеты, откликаясь на запросы действительности и проч. и проч.

<л. 4об> А мы старались, насколько возможно, соблюдать тишину, хотя и

помещались совсем в другом конце квартиры — у нас было две комнаты — спальня и другая для занятий, а у Ивана Павловича очень большой кабинет в 4 окна, весь до потолка уставленный книжными полками, шкапы же отгораживали уголок для спанья.

В дни чтения лекций в Университете на двух факультетах — Восточном и Историко-Филологическом, а также в Историко-Филологическом Институте всякие другие занятия перед лекциями избегались, и Иван Павлович с юмором говорил про себя и про Веселовского, что они «сосуды наполненные, которые боятся расплескаться».

Вечером бывали выезды на заседания тех научных обществ, в которых он состоял членом и других, а также в назначенные дни он проводил вечера у товарищей-приятелей: четверги у Майковых¹⁰, субботы у Ламанских¹¹ и пр. Дома раза два в неделю у него собирались студенты, с которыми он занимался особо и тогда дядя не выходил пить чай в общую комнату — столовую, а наша роль сводилась к тому, чтобы напоить их чаем в кабинете.

Вечером он обязательно гулял часа два по улицам и очень любил случайные встречи, разговоры и впечатления.

Всё новое окружение нас очень интересовало, но не прошло и нескольких месяцев, как дядя по обыкновению съездил к своей матушке в Москву, жизнь начала входить в колею, как очень взволнованный приходит к нам Иван Павлович и объявляет, что неожиданно получил командировку от Военного Министерства в Индию — как знаток страны и местных наречий, определить настроение страны — туземцев — по отношению к владычеству англичан.

С большим подъёмом настроения он начал готовиться к <л. 5> этому путешествию и это длилось довольно долго, по крайней мере, месяца два.

Перед самым отъездом собрались на скромный товарищеский ужин его университетские товарищи-приятели. Живо вспоминается этот вечер. Иван Павлович воспользовался случаем, чтобы нас с ними познакомить. На время его отсутствия мы были поставлены под «протекторат» Леонида Николаевича Майкова и его семьи.

Собралось человек 8 учёных мужей и мы между ними, две юные девицы, как хозяйки дома, и сам Иван Павлович вокруг длинного стола, накрытого белой скатертью — рыба, белое и красное вино, чай, печенье, фрукты и прекрасное

¹⁰ Майковы — дворянский род, прославившийся художниками и поэтами. Мемуаристки упоминают далее Леонида Николаевича Майкова (1839—1900), историка русской литературы.

¹¹ Ламанские — мемуаристки имели в виду семью Владимира Ивановича Ламанского (1833—1914), историка, слависта, близкого к славянофилам в своей концепции отличительных особенностей славян, подчёркивал роль русского языка как общего литературного языка славянства, акцентировал необходимость изучения славян в перспективе формирования самосознания русского этноса.

настроение у всех, по крайней мере, нам так казалось, смотревших на мир через очки юности.

Старшим был, конечно, Василий Павлович Васильев, синолог, прямой учитель Ивана Павловича по Университету — очаровательный старик, живой, разносторонне образованный, отзывчивый на всё окружающее — он не много пережил Ивана Павловича и очень оплакивал его преждевременную кончину. Как-то много позднее, встретив его на улице, я хотела перейти с ним на другую сторону. Он это мне ни за что не позволил сделать — сказал мне, что ему надоело жить, что он пережил всех своих сверстников; так, недавно скончался его личный враг, архиепископ в Китае, отлучивший его от церкви, — он и об нём горюет, стало как-то более пусто. Говорили, что на него очень повлияла трагическая смерть дочери, выбросившейся из окна четвёртого этажа во время бывшего у них вечера-бала, предварительно завязав себе лицо подушкой и разбившейся, конечно, насмерть. Василий Павлович часто к нам заходил и потом.

Младшим в этом обществе был арабист барон Виктор Романович Розен, очень умный, милый человек. Впоследствии он часто приехал к нам на дачу в Павловск. Мы очень любили его посещения, так как непременно отправлялись все вместе на музыку в Вокзал, где в то время играл чудный симфонический оркестр под управлением прекрасного дирижера чеха Главача. С Виктором Романовичем мы тоже сохранили отношения до конца его жизни, чем очень гордились с сестрой. Это он, вместе с Василием Григорьевичем Васильевским написал лучший некролог Ивана Павловича (женат он был на племяннице В.П. Васильева, дочери адмирала Веселого. Брак был очень несчастен, так как она, выйдя замуж, проработала всю жизнь, а единственный сын их молодым офицером покончил самоубийством. Причина самоубийства так и осталась неизвестной).

Васильевский Василий Григорьевич, профессор по истории средних веков, один из ближайших товарищей Ивана Павловича по Университету. Они сблизились, ещё слушая вместе лекции в Берлинском университете и, смеясь, возвращались иногда к инциденту первого знакомства. Иван Павлович подошел в коридоре Университета и по-немецки обратился к Васильевскому с какой-то справкой, и на этом языке они продолжали некоторое время разговаривать, пока не учуяли друг в друге русских — можно же было чисто русскую физиономию Василия Григорьевича принять хоть на минуту за немца!

Мне пришлось потом быть ученицей Василия Григорьевича на Бестужевских курсах и слушать его содержательные лекции по Средней Истории. Перед экзаменом я очень волновалась, так как слышала, как профессора, разговаривая между собою, находили уровень женских слушательниц много ниже и менее развитым, чем студентов. Они находили, что курсистки выдалбливают записки на память, общий уровень ровнее, но общей схемы истории и построения не понимают. Готовясь к экзамену, мне приходилось решать, как быть — не готовиться по запискам было нельзя, а приготовить — скажут: «зубрилка»,

«долбняжка», но, кажется, я сумела попасть в середину, потому что после ответа он сказал: «скажите Ивану Павловичу, что “хорошо”».

<л. 6> О друге Ивана Павловича, Ал. Н. Веселовском я уже упоминала: сильный брюнет с курчавыми волосами, при разговоре глаза так и блестели, так и вращались зрачки на синих белках, а ряд белых зубов ещё более оттенял матовую бледность лица. На Бестужевских курсах я стала и его ученицей, слушала его увлекательные лекции по всеобщей литературе, а в 1891-м году пришлось принять участие в праздновании его юбилея. Мы с сестрой рисовали подносимый ему адрес от его учеников, где сюжеты были взяты из тех произведений, которые он, главным образом, разрабатывал — из Декамерона, Боккаччо, Соломона и Китовраса и др. В то же время его личный друг А.С. Усова [Александра Семеновна — Т.Е.] устроила у себя живые картины из его произведений с музыкальным сопровождением. Была поставлена сцена и соответствующие декорации. Из женских участниц были только мы с сестрой — я изображала Беатриче, а сестра В. П-на — Франческу.

Кроме того, на прощальном ужине был ещё Владимир Иванович Ламанский, славист, очень любивший Ивана Павловича, который в свою очередь всегда отзывался о Ламанском как о человеке высокого ума, имевшего своеобразные, новые идеи.

Леонид Николаевич Майков, который в отсутствие Ивана Павловича должен был наблюдать за нашим благополучием, что и исполнил, усиленно снабжал нас литературой для чтения.

Характерно для Ивана Павловича, что он совсем не водил знакомства с женщинами и даже скорее их сторонился.

В Индию он уезжал с восторгом, с подъёмом настроения; в нём заговорила кровь путешественника. Нам обещался писать каждую неделю, что и исполнил, и от нас требовал того же.

Получать его письма было очень интересно — мы читали <л. 6 об> их многим из приходящих знакомых. Сейчас большинство этих писем приобщено к его корреспонденции, находящейся в Азиатском музее.

Иван Павлович любил делиться с нами своими художественными впечатлениями. Так, в Вене он был как раз, когда там была выставка картин В.В. Верещагина. Много шума наделал инцидент, что две из выставленных картин были облиты серной кислотой: «Воскресенье» и «Св. Семейство» — сюжеты были трактованы не реально, но карикатурно-реалистически. Иван Павлович написал нам об этой выставке длинное письмо и привёз фотографии с этих картин, а так же фотографию с картины: «Казнь соучастников убийства 1-го марта» и из Индийской серии «Казнь сипаев в Индии», где привязанные к пушкам сипаи расстреливаются англичанами. Эти картины производили ужасающее впечатление.

В Бриндизи Ивану Павловичу пришлось немного задержаться, так как он не сразу подхватил пароход, а время, предстоявшее провести в Индии, было

ограничено предстоящими летними жарами. Морем через Суэцкий канал пришлось ехать почти целый месяц, и он высадился в Бомбее только в январе 1880 г. и в первый же день приезда, посетив Музей, встретил там друга-соотечественника проф. Александра Ивановича Воейкова.

На этот раз Иван Павлович объезжал независимые владения Сев. Зап. Индии. Маршрут его был таков: Пуна и оттуда разъезды в разные окрестности. Затем страна Низама — Гайдерабад и Голконда. Осмотр различных пещер Насика, Еллорских, Аджанты и др. В пещерах в это время снимали с природы фрески ученики художественной школы в Бомбее и с них была сняты фотографии. Ивану Павловичу удалось купить полный экземпляр их, а оригиналы были посланы в Кенсингтонский Музей; потом они были изданы in folio, в красках — необыкновенно красивый орнамент — в серовато-голубоватых тонах лотосы, птицы — утки, фламинго и проч.

<л. 7> Всюду Иван Павлович осматривал как высшие школы, устроенные правительством (присутствовал на экзамене такой школы в Бомбее), так и низшие, туземные — англичане оказывали ему всюду любезное содействие при продвижении по стране.

В Дели он посетил Oriental College, где подготавливались служащие из туземцев для низших должностей управления в стране и раздумывал о том, в каком роде следовало бы устроить у нас в Ташкенте нечто подобное.

Как русский, Иван Павлович свободно общался с индусами-туземцами, владея многими из их наречий, в противоположность англичанам, которые держали строгую грань и не допускали с ними других отношений, кроме официальных.

Свою привычку вести дневник он и тут не оставил. Сжато, но прекрасно изложено всего его путешествие на 71 стр. дневника (хранится в Азиатском музее). Занятому по возвращении домой серьёзными научными работами, ему самому не пришлось обработать всего путешествия — он напечатал лишь несколько отдельных статей в журналах, и по сей час не потерявших своего значения, настолько правильно была взята у Ивана Павловича точка зрения на страну и события — это было время войны с афганцами. Несколько других статей того же времени и по сей час лежат в Архиве не напечатанными.

В это путешествие Иван Павлович доехал на севере до Дели и Лагора, этих бывших центров мусульманского владычества и памятников расцвета их искусств. Со своими скромными средствами, он, конечно, мог покупать очень немного, и, хотя он совсем не был коллекционером, но на всём, что он привёз, был виден тонкий вкус знатока: так интересна свернувшаяся на куске белого мрамора змея (теперь у его ученика ак. Щербатского), несколько прекрасных характерных металлических вещей из Пенджаба; употребляемые для тюрбанов кашмирские шали; длинный кафтан с вышитым орнаментом из лотоса; ряд вещей с мозаикой, какой в Тадж-Махале в Дели выложен пол. Предметы культа: барабан из черепов, лжица, вертушка с молитвой, две старинные статуи

Будды из чёрного и белого мрамора, а также фигуры браминского культа и многое другое.

Всё это было передано нами после кончины Ивана Павловича в Этнографический Музей Академии наук, где предполагалась отдельная «Минаевская» комната с бюстом Ивана Павловича, но, увы! дальше намерений и пожеланий не пошло.

Рукописи, конечно, особенно привлекали Ивана Павловича, и он приобретал и старинные санскритские и написанные на языке пали.

В этом году одновременно с Иваном Павловичем была в Индии деятельный член Теософического О-ва Е.П. Блаватская, автор книги «В пещерах и дебрях Индостана» она очень желала с ним познакомиться и назойливо преследовала его письмами¹². Со своей стороны Иван Павлович очень не хотел этого знакомства ни с ней, ни с председателем Теософического О-ва англичанином полковником Олькоттом — всячески избегал его и избегнул.

В Аллахабаде его пригласил к себе погостить знаток Индии сэръ Е. Lyall — он отдохнул два дня в его обществе в вилле, где Ляйелль жил постоянно со своими дочерьми, обмениваясь с ним мнениями и впечатлениями.

До середины мая удалось Ивану Павловичу остаться в Индии, а затем через Каир, Александрию и Константинополь, который поразил его своей красотой даже после тропического края, он через Киев в июне 1880-го года вернулся домой и приступил к текущим работам с неослабной энергией.

Третье его путешествие было им совершено в 1885—1886 гг. За <л. 8> этот пятилетний промежуток между путешествиями обычный ход его занятий прерывался поездками по России и командировками за границу.

Летом мы большею частью живали на даче в Павловске, хотя Иван Павлович и там продолжал свои научные занятия и над рукописями и с корректурами, и с подготовкой лекций, так как, благодаря удобству сообщений, он мог всегда, когда нужно, съездить в Петербург, но всё же он имел возможность быть на воздухе, заниматься на балконе и совершать большие прогулки. Иван Павлович обычно сговаривался с Леон. Н-чем Майковым, с семьёй которого мы были очень дружны. Семья Майкова состояла в это время из его жены (Трескиной), сестры жены и племянника, нашего ровесника и ныне здравствующего Вл.Вл. Майкова, члена-корреспондента АН.

Мы все вместе предпринимали прогулки по красивому Павловскому парку, ходили на ферму, осматривали павильоны, добирались даже до окрестностей Ц. Славянки, Тярлево и др.

Понемногу начало подрастать поколение учеников Ивана Павловича во главе с Сергеем Фёдоровичем Ольденбургом и ныне здравствующим, сделавшимся мировым учёным Фёдором Ипполитовичем Щербатским — они пользовались

¹² Одно из писем Блаватской к И.П. Минаеву (Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 39. Оп. 2, ед. хр. 1, л. 1—4) опубликовано. См.: Русско-индийские отношения, 1997, с. 223—224.

каждым случаем, чтобы приехать в Павловск к Ивану Павловичу и провести вечер на даче.

Но уже тогда понемногу начали выявляться зловещие признаки относительно здоровья. Переход из южного климата на север оказал своё губительное влияние. При малейшей простуде повышалась температура, появлялся кашель, привязался катар желудка.

Раза два Иван Павлович обращался за советом к Сергею П-чу Боткину, жившему на Галерной напротив нас. Боткин принимал его, обращался с ним, как с коллегой, лекарств прописывал мало, <л. 8об> советовал для излечения катара желудка есть ежедневно крутую гречневую кашу и простоквашу. Постоянное же наблюдение за здоровьем Ивана Павловича поручил своему ученику Е.А. Головину — так продолжалось и до конца жизни Ивана Павловича.

Раз шесть-семь жилали мы за это десятилетие в Павловске. Случилось как-то, что сидим мы с ним на террасе-балконе близко к полудню, — он за разборкой своих неизменных санскритских рукописей, а я возилась с карандашами — что-то рисовала, светило солнце, вдали погромыхивало, над нами хозяйки дачи играли какой-то вальс и вдруг случилось что-то невероятное — всё заколебалось, Иван Павлович вскочил и схватил меня за руку, он подумал, что молния попала в меня, а я в это время ясно видела, как молния в виде продолговатого шара-эллипсиса — медленно пролетала вдоль балюстрады балкона и успела подумать: ослепит или оглушит? Но, к счастью, не случилось ни того, ни другого, а молния ударила в три огромных ели, стоявших ей на пути, на той же высоте, как летела, которые в скорости и погибли.

Не больше трёх, казавшихся очень короткими, месяцев жилали мы на даче. Часто приезжали из Петербурга гости-товарищи и ученики Ивана Павловича — Н.Н. Страхов, Н.П. Собко, Л.В. Прахова, Семеновы и др.

Поздней осенью 1882 г. скончалась его матушка — наша бабушка, хотя уже очень пожилой, за 80 лет, но кончина её очень подействовала на Ивана Павловича и понизила тонус жизни. Он с горечью писал нам из Москвы: «Милые мои, теперь только Вы одни остались у меня».

Таким образом, прекратились его постоянные поездки в Москву.

В следующем, 1883-м году, по делам небольшого полученного наследства ему пришлось поехать в Тулу и там у него не ожи<л. 9> данно и случайно произошло знакомство с Л.Н. Толстым. Он поехал к адвокату и позвонив, дожидаясь, чтобы ему открыли дверь. Вдруг к нему подходит пожилой человек, с виду похожий на дворового и спрашивает: «Который час?». Иван Павлович ответил, что у него часы по Петербургскому времени. Тогда вторым вопросом Толстой поставил: «Кто вы такой?», на что Иван Павлович ответил тоже вопросом: «А Вам зачем это нужно знать?». Тогда вопрошавший сказал: «Я — Лев Толстой». Иван Павлович назвал себя, а Лев Николаевич воскликнул: «Вы были в Индии!» и т.д. Зоркий глаз Толстого сразу заметил интересную, высоко развитую личность Ивана Павловича, а вопрос «который час» он поставил

только чтобы начать разговор. В этот день он из Ясной Поляны пришёл пешком в Тулу, и потом они весь день провели вместе в номере гостиницы у Ивана Павловича, беседа на всевозможные темы о буддизме, о земельном вопросе и причинах голода в Индии и у нас и прочем, пробыв вместе часов пять. Толстой звал его к себе в Москву, и сам обещался заехать, когда будет в Петербурге, но из этого ничего не вышло, и только Николай Николаевич Страхов поддерживал всё время между ними живую связь. После своих посещений Ясной Поляны он постоянно приезжал к нему и точно рассказывал обо всём, что там происходило, также и Владимир Васильевич Стасов был между ними таким связующим звеном¹³.

Болезнь Ивана Павловича развивалась постепенно и забирала свои права, читать лекции, например, четыре часа подряд — стало уже затруднительным, не хватало дыхания, ни голоса, хотя голос ещё не пропал. Во избежание простуды пришлось ездить в карете, чтобы читать лекции, и принимать разные другие предосторожности.

Акттовую речь в университетскую годовщину 8-го февраля 1884 г. было поручено сказать ему — он выбрал темой «об изуче<л. 9об>нии Индии в русских университетах»¹⁴. Нам очень хотелось присутствовать на акте и его послушать, но Иван Павлович решительно воспротивился и даже пригрозил, что если увидит нас среди публики, то прервёт чтение и сойдёт с кафедры. Так мы и не решились пойти ввиду этой угрозы. А речь, говорили, была замечательная — голосу хватило на большой зал, благодаря хорошей акустики зала, а сама речь была так замечательно составлена и правильна по положениям, что не утратила своего значения и до сих пор.

Вскоре после актвой речи, в этом же семестре, Иван Павлович был назначен представителем от Петербургского университета на торжества трёхсотлетия Эдинбургского университета вместе с Менделеевым. Они ехали в одном вагоне и по Лондону бродили вместе, попав в воскресенье, когда там всё бывает закрыто и очень поладили, если так можно выразиться.

Иван Павлович был более чем доволен этим знакомством с великим химиком. В дороге здоровье Ивана Павловича несколько улучшилось: «Я приобрёл аппетит и вытряс все мысли из головы», — писал он нам. Менделеев принял в нём горячее участие, советовал «не думать о здоровье и кушать всё».

Но торжества в Эдинбурге его очень утомили. «Было много интересных и замечательных речей», писал он, «но без ужаса не могу вспомнить о той еде, которая проносилась перед моими глазами». При первой возможности он уехал в знакомый, любимый им Кембридж, Лондон и Париж, повидался с людьми, которых ему нужно было видеть — Rhys Davids'om и другими, сверил рукописи в библиотеках и вернулся домой освежённым.

¹³ О контактах И.П. Минаева с Л.Н. Толстым см. : Александрова, 1960.

¹⁴ См.: Минаев, 1885.

Из этого путешествия он привёз нам прекраснейшие портреты-фотографии поэта Burns'a и Марии Стюарт.

Вернувшись, конечно, сразу принялся за занятия.

Прямо надо удивляться, сколько за свою короткую жизнь он <л. 10> успел сделать как напечатанных работ, так и оставшихся в рукописях. Всё написано удивительно красивым почерком, он был очень близорук и писал гусиными перьями, которые сам чинил для удобства писать восточные шрифты.

Его занятия шли по трём различным направлениям: по филологии, географическим наукам и истории религии.

1. По языкознанию и сравнительной грамматике, по которым он читал лекции на Историко-Филологическом Факультете, а по санскриту на Восточном, постоянно следя за двигающимися вперед за границей изысканиями и производя их сам. Лекции большинства его курсов литографированы¹⁵.

2. К профессору Ягичу¹⁶ (Венского университета), который был приглашён читать языкознание в некоторые другие учреждения Петербурга, он относился с большим уважением.

Докторская его диссертация была: «Грамматика языка Пали», переведённая на французский и английский языки, но самое замечательное — это то, что по этой грамматике преподавали этот древний язык в школах Индии в течение всех 1880-х годов¹⁷.

Сам Иван Павлович был удивительно скромно и никогда не говорил о своих успехах и достижениях — это была одна из отличительных черт его характера.

2. По географической науке — он был знатоком карты Центральной Азии и его первое сочинение, написанное ещё на Университетской скамье, было на тему: «Географическое исследование о Монголии», получившее золотую медаль. Затем, по предложению Географического Общества он написал «Исследование стран по истокам Аму-Дарьи» в 1879 г.¹⁸

В 1883 г. вышло: «Хождение за три моря» Афанасия Никитина¹⁹ и, наконец, уже после его смерти изданное «Путешествие Марко <л. 10об> Поло»²⁰, подготовленный им перевод со старо-французского текста, с обширными комментариями, увы, утраченными! Может быть, когда и где ещё найдутся.

По фольклору его замечательный сборник: «Сказки и легенды, собранные

¹⁵ См.: Минаев, 1884.

¹⁶ Ягич Игнатий Викентьевич (1838–1923) — австрийский и российский филолог-славист, палеограф. Деятельность в Санкт-Петербургском университете (1880–1885).

¹⁷ См.: Минаев, 1872.

¹⁸ Мемуаристики неверно приводят название этого труда И.П. Минаева. См.: Минаев, 1879.

¹⁹ См.: Минаев, 1881. Мемуаристики неверно указали год выхода.

²⁰ См.: Минаев, 1902.

²¹ См.: Минаев, 1876.

в Камаоне»²¹, напечатанный в очень ограниченном числе экземпляров и сразу разошедшийся.

Из путешествий обработано и было издано им самим только первое его путешествие. Оно вышло под названием «Из путевых заметок русского. Очерки Цейлона и Индии». Это издание Пантелеева в двух томиках тоже сразу разошлось, не раз предполагалось новое издание, но дело до этого так и не дошло.

Следующие два путешествия — 2-е 1880 г. в Независимые владения Сев. Зап. Индии и 3-е в 1885—86 гг. в Индию и Бирму до сих пор так и остались в прекрасно написанных дневниках не напечатанных.

Одновременно с этими трудами Иван Павлович в газетах и журналах широко откликался на текущую общественность, печатая статьи и по критике иностранной и отечественной литературы, и по своей специальности, конечно, и информационного характера.

Сейчас уже полностью составлена библиография его трудов, как печатных, так и находящихся в рукописях (при Азиатском музее), а также и литература о нём и полная опись оставшегося после него архива²².

3. По Буддизму была его магистерская диссертация, Пратимокша Сутра — Буддийский служебник, с предисловием, объясняющим основные законоположения буддизма²³.

Также и последняя его работа, за которой его застала кончина, относилась к этой религии и вышла под заглавием «Буддизм»²⁴. Она сразу была переведена на иностранные языки, по французском издании с предисловием Senarta [Сенара — Т.Е.], председателя фран<л. 11>цузских 5-ти Академий, в которой он даёт прекрасную характеристику трудам Ивана Павловича, что он не гнался за обобщениями, делая выводы с осторожностью, но точностью, почему его труды и являются такими ценными. II-й том «Буддизма» остался в рукописи и должен был выйти с иллюстрациями, которые уже были отпечатаны (хранится в Азиатском музее).

Подошёл 1885—1886 гг., и снова Иван Павлович отправился в путь. Английское правительство прислало приглашение России прислать представителей на манёвры англо-индийских войск — были командированы военные Одоевский, Маслов и полковник генерального штаба Тимлер, а Иван Павлович был назначен их сопровождать как учёный знаток страны. (См.: Русско-индийские отношения, 1997, с. 256—265). Частным образом к ним присоединился ещё Монтрезор — с целью поохотиться на тигров.

Манёвры происходили около Дели. В военном деле Иван Павлович не понимал ровно ничего, но не так в политическом. Страницы его дневника, написанные

²² Мемуаристки лично подготовили эти материалы. Ныне хранятся в составе личного фонда И.П. Минаева (Ф. 39) в Архиве востоковедов ИВР РАН.

²³ См.: Минаев, 1869.

²⁴ См.: Минаев, 1887.

ещё в океане, на пути туда, замечательно интересны по предположениям и выводам. Иван Павлович оставался в Индии самое короткое время, присутствовал на манёврах, а затем офицеры остались осматривать крепости Гвалиор и др., а Иван Павлович сразу же поехал в Бирму, через Калькутту в Рангун, где только что кончилась война с англичанами, но страна ещё не была замирена и находилась на военном положении, всюду бродили дакойты — бывшие солдаты низложенного правителя и грабили страну. Ивана Павловича предупреждали об опасности поездки, но он всё же отправился и поехал пароходом вверх по Иравади с замечательно красивыми берегами, по склонам мелькали деревушки с золотыми куполами ступ, местами напоминавшие ему Волгу. Он доехал до Мандалая, резиденции бывшего правителя Таибоа, пленённого англичанами, там он нашёл полное разорение. У Тэи <л. 11об> Бао в Хлок Доу была стариннейшая библиотека, принадлежавшая его предкам, приведённая во время стоянки английских солдат в совершеннейший хаос. У англичан не было под рукой человека — знатока, который мог бы этим заняться и привести её в порядок, и они попросили Ивана Павловича помочь им разобраться в расхищенном. Иван Павлович мог уделить только четыре дня, что он охотно и сделал, так как сам очень интересовался библиотекой.

В эту поездку он располагал несколько большими средствами и поэтому мог приобрести как вещи по тибетской иконографии, так и значительно большее количество старинных рукописей, которые, после его кончины, по высказанному им желанию, были принесены нами в дар в Публичную Библиотеку и описаны его учеником Мироновым²⁵.

Из Бирмы Иван Павлович вернулся в Калькутту и оттуда отправился в Гималаи — Дарджилинг по дороге в Тибет.

Рассвет в Гималаях, склоны гор, покрытые цветущими рододендронами, по красоте превосходят всё, что он когда-либо видел и мог бы себе представить.

Он беседует с встречными странствующими монахами, но дорога, хотя и с нанятыми кули, давалась ему очень тяжело. Ввиду высоты местности, разреженности воздуха — он задыхался, но всё же всегда с восторгом возвращался к описанию красот этого пути и всего им там пережитого. Кроме того, в Гималаях он попал в сильнейшую грозу, весь промок и схватил невралгию лица, которая его мучила до конца его жизни.

Домой он вернулся через Рим, позволив себе такой отдых — насладиться красотами искусства.

С началом семестра 1886 г. выявилось, что здоровье Ивана Павловича сильно ухудшилось, так как поездки в Университет прерывались бронхитами и сильнейшими простудами с температурой.

<л. 12> Раздумывая о том, что в путешествиях его здоровье было всегда несколько лучше, он начал мечтать и планировать четвёртое путешествие в Индию

²⁵ См.: Миронов, 1918.

на более продолжительное время, но уже сухим путём через Афганистан, и уже на свои средства, затратив на это всё, что у него имелось. Мечтал о том, чтобы получить место консула в Бомбее или другом городе в Индии, чтобы иметь возможность там заниматься.

Мы поддерживали эти мечты, говоря, что приедем к нему пожить, не на всё время, а всё же продолжительно, но этим мечтам не суждено было претвориться в действительность.

К концу 1886 г. здоровье его настолько ухудшилось, что так дальше невозможно было продолжать. Тогда предполагали, что южный климат излечивает чахотку и был выбран Ye'ges на южном побережье Франции, но только что он туда приехал, как город подвергся сильнейшему землетрясению, стены всех домов обваливались, больные и жители высыпали на улицу — началась общая паника. Подземные удары повторялись многократно. Не успевал мэр города объявить, чтобы успокаивать население, что по данным сейсмической станции толчков больше не будет, как точно в насмешку, повторялись удары и всё рушилось дальше. Все спали на улице. Поезда так осаждались, что на них попасть было почти невозможно, кажется, 30 тысяч больных хотели уехать сразу.

Иван Павлович три дня и три ночи беспомощно, одиноко бродил по улицам среди раздирающих сцен, пока ему, наконец, не удалось попасть на поезд, и он доехал до Ниццы. Конечно, распростудился страшно. В Ниццу приехал во время карнавала. Он рассказывал, что это была сцена точно из «Травиаты» — он, совершенно одинокий, умирающий, в номере гостиницы, а снаружи доносятся песни, крики веселья, музыка карнавала²⁶.

Но на этот раз натура справилась с болезнью, и Иван Павлович вернулся, правда, мало поправившимся и разочарованным, так как очень надеялся на поездку.

После этого ещё два года протянул он, много работая, но силы понемногу сдавали и он стоял перед невозможностью осуществить всё то, что предполагал и к чему подготовился — это была настоящая трагедия.

Наконец, в 1889 г. было уже невозможно так продолжать. Как раз кончалось 25-летие его службы. Как все чахоточные, он и не подозревал, что конец может быть так близок, решил поехать опять на юг, ликвидировать своё гнездо, чтобы потом ехать в Индию. Но и на этот раз поездка его была очень неудачна. Он выбрал г. По в Пиринеях как хвалёную климатическую станцию. Мы плакали, его провожая, и он также заплакал, как бы предчувствуя, что уже не увидимся.

Случилось так, что во Франции, в Париже, он не хорошо рассмотрел itineraire [маршрут — Т.Е.], и на каком-то маленьком узловом пункте, откуда ветка сворачивала на По, поезда оказались не согласованными. Поезд, с которым он

²⁶ «Травиата» — имеется в виду одна из финальных сцен оперы Дж. Верди, героиня которой умирает от чахотки. Приведённый эпизод из рассказа Минаева, с одной стороны, подтверждает мнение современников о его сатирическом остроумии и самоиронии, но, несомненно, передаёт трагизм осознания учёным его скорой кончины.

ехал из Парижа, ушёл дальше, а его высадили на переезде, где не оказалось ни малейшей постройки, ни жилья поблизости.

Шёл мокрый снег, был страшный ветер, укрыться было решительно негде, до ближайшей деревни было версты полторы и, чтобы до неё добраться, ему предложили осла, и вот, верхом на осле, ему пришлось туда ехать в отвратительную весеннюю пургу с повышенной температурой, в лёгком пальто, так как он ехал на юг, а впереди была весна и он ничего не взял с собой теплого.

Простуда эта была для него роковой и последней.

<л. 13> Приехав в По, он сразу слёг, и мы долго не получали от него никаких известий, так что пришлось узнавать через консула, где он и что с ним. Наконец, узнали мы, что он добрался до По, но ещё сильнее заболел. Тогда только что окончивший Университет его ученик Фёдор Ипполитович Щербатской сразу решил поехать за ним. Сказано сделано. И вот он провёл с ним там два месяца, уладив и украсив, таким образом, последние два месяца его жизни.

Вместе ездили в горы, говорили на темы, интересовавшие обоих. Наконец, подошло лето, и необходимо было двинуться оттуда и что-либо предпринять. Поехали в Париж, чтобы посоветоваться с доктором Rotain и знакомым эмигрантом доктором Гольштейном.

Ивану Павловичу хотелось провести лето в Швейцарии и потом уже ехать домой, но доктора решили, что необходимо немедленно возвращаться.

Три дня в вагоне скорого поезда были очень тяжелы. Иван Павлович задыхался. Приехав в Петербург, остановились в Европейской гостинице, но доктор Головин посоветовал немедленно перевезти его в больницу и сам его устроил в Немецкой Евангелической больнице на Васильевском острове, где Иван Павлович прожил всего два дня.

Весть об его возвращении быстро распространилась по обществу. Много друзей успели его навестить он был в полном сознании, но говорил ослабленным голосом.

При кончине его 1-го июня 1890 г. в 1 час дня присутствовал Л.Н. Майков. Мы были в это время в деревне Рязанской губ. у наших друзей Семеновых. Щербатской дал телеграмму о возвращении только по приезде в Петербург. Выехав немедлен<л. 13об>но, мы приехали только на другой день после его кончины 2-го июня. Он лежал с удивительно строгим лицом, почти не изменившимся.

Все хлопоты по погребению и установке памятника взял на себя Университет. Погребён на Новодевичьем кладбище в Петербурге.

Сейчас могила взята под охрану.

Литература

Александрова О.Ю. И.П. Минаев и Л.Н. Толстой. Л., 1960.

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

Минаев И.П. Пратимокша-сутра. Буддийский служебник. СПб., 1869.

Минаев И.П. Очерки фонетики и морфологии языка пали. СПб., 1972.

Минаев И.П. Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 г. СПб., 1876. (Переиздание: М., Наука, 1966).

Минаев И.П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 г.). СПб., 1879.

Минаев И.П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. Ч. 12. СПб., издание Л.Ф. Пантелеева, 1878 г.

Минаев И.П. Старая Индия. Заметки на хождение за три моря Афанасия Никитина. СПб., 1881.

Минаев И.П. Об изучении Индии в русских университетах. /Годичный акт Императорского Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1884 г. СПб., 1885. С. 83–102.

Минаев И.П. Общее языкознание. Лекции, читанные проф. Минаевым студентам СПб. университета в 1883–1884 году. СПб., Литография Гробовой. 1884.

Минаев И.П. Буддизм. Исследования и материалы. СПб., 1887.

Мионов Н.Д. Каталог индийских рукописей Императорской публичной библиотеки. Пг., 1918.

Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки / Сост. А.А. Вигасин. М., РГГУ, 2012.

Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885–1886 гг. Отв. ред. А.П. Баранников. М., Изд-во Академии наук СССР. 1955.

Путешествие Марко Поло. Пер. старофранцузского текста *И.П. Минаев* / ред. В.В. Бартольд. СПб., 1902. (Записки Имп. Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXVI).

Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., Восточная литература, 1997.

Summary

Memoirs by W.P. Shneider and A.P. Shneider about I.P. Minaev

Preface, Notes and Preparing to Publication by T.V. Ermakova

Memoirs about I.P. Minaev by his nieces W.P. and A.P. Shneider is interesting archival source which helps us to understand biography and contacts of these outstanding indologist. Moscow line of his biography and contact circle is explicated in this memoirs, and it is new information for modern readers.

Key words: A.P. Shneider, W.P. Shneider, I.P. Minaev, The Archives of the Orientalists at Institute of Oriental Studies RAS.